

С. Г. Серебрякова

Японцы в русском плену во время Русско-японской войны (1904–1905 гг.)

Поскольку тема японских военнопленных Русско-японской войны раскрыта в отечественной науке недостаточно, мы хотели бы кратко охарактеризовать уровень ее разработки в русской и японской историографии. Отметим, что японские историки начали изучать эту тему раньше своих российских коллег.

Выделим несколько основных трудов. В работе «Могилы японцев в селе Медведь»¹ Сайками Токио охарактеризовал жизнь японцев в самом крупном лагере в селе Медведь, уделяя внимание досугу и творчеству японцев в плену. В монографии «Военнопленные и их Русско-японская война»² японский исследователь Фукиура Тадамаса более глубоко представил обстоятельства жизни японцев по пути в село Медведь и указал на проблемы, с которыми они столкнулись в плену. Фукиура привлек источники личного происхождения: японоязычные дневники военнопленных. Японский историк Хата Икухико в статье «Формирование понятия военнопленного в японской армии»³ представил плен в различные периоды японской истории, а также раскрыл условия жизни японцев в русском плену. Отметим, что японские авторы обращаются к документам на русском языке и к международным конвенциям, однако во многом опираются на японоязычные источники.

В отечественной историографии первые полноценные работы о японских военнопленных в ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг. стали появляться совсем недавно. И. В. Хохлов в работе «Военнопленные русско-японской войны 1904–1905 гг. в селе Медведь Новгородской губернии»⁴ показал

условия жизни японцев в лагере в селе Медведь. Историк подчеркнул важность принятых Россией международных норм в отношении военнопленных. Он также уделил внимание визиту американского вице-консула Томаса Смита в лагерь военнопленных и указал на то, что гуманные условия обращения русских с японцами были отмечены японской стороной после окончания войны. Несмотря на то что эта статья — важная веха в исследовании проблемы плена Русско-японской войны, отечественный исследователь не имел возможности привлечь японоязычные источники.

В статье «Японские военнопленные русско-японской войны в Аракчеевских казармах Новгородской губернии»⁵ известный японовед Д. В. Стрельцов также обозначил важность принятых Россией международных обязательств и отметил гуманное обращение с японцами. Особая заслуга Д. В. Стрельцова заключается в привлечении материала на японском языке.

В целом надо сказать, что в своих трактовках условий плена русская и японская историческая наука, обращаясь к разным источникам, не противоречат, а скорее дополняют друг друга.

Для того чтобы раскрыть проблемы в обращении с военнопленными японцами, с которыми столкнулась Россия во время войны, мы будем использовать как сведения из отечественной и японской историографии, так и японоязычные исторические источники и материалы российских архивов.

В 1899 г. в Гааге прошла мирная конференция, в результате которой подписанты пришли к единым правилам ведения войны. Для нашего исследования представляет интерес Конвенция II «О законах и обычаях сухопутной войны»⁶, часть положений которой касалась порядка обращения с военнопленными. Конвенция предусматривала гуманное обращение с пленными, выражавшееся в сохранении жизни и здоровья пленных, достойном питании, материальном обеспечении и лечении.

Подписание и ратификация Конвенции были важны как для России, инициатора конференции, так и для Японии, поскольку во многом это был вопрос престижа. Во второй половине XIX в. Япония стремилась стать «цивилизованной» державой, прилагая большие усилия к тому, чтобы достичь уровня развития западных держав. Участие в крупной международной конференции и принятие общих с западными державами правил международного гуманитарного права укладывалось в контекст политики Японии конца XIX в.

С началом Русско-японской войны намеченные в Гааге ориентиры стали основой для внутренних русских и японских нормативных документов, регламентирующих обращение с военнопленными. Хотта Синъитиро подчеркивает, что японцы, желая представить страну «цивилизованным государством» (яп. *буммэй коку*, 文明国), старались придерживаться норм международного гуманитарного права в отношении военнопленных в Русско-японскую войну⁷. Россия шла в том же направлении, так что обе стороны конфликта не имели принципиальных противоречий в вопросах трактовки прав и обязанностей

военнопленных. Японцы, сдаваясь в плен, могли рассчитывать на гуманное обращение со стороны русских военных.

Российская империя приняла внутренние правила обращения с военнопленными спустя несколько месяцев после начала войны. Они излагались в двух документах: «Временное положение о военнопленных русско-японской войны»⁸ от 13 (26) мая 1904 г. и «Циркуляр № 203» от 23 июля (5 августа) 1904 г.⁹, и содержали в себе нормы питания, вещевого довольствия, условия размещения пленных. Детальное описание условий пребывания военнопленных заключалось в циркуляре № 203.

Первая трудность, с которой столкнулась русская сторона при организации плена для японцев, — выбор места итогового водворения. Наиболее экономически выгодным выглядело размещение военнопленных в Маньчжурии либо на русском Дальнем Востоке. На территории Маньчжурии шли боевые действия, и пребывание там военнопленных было невозможно. Тем не менее до конца войны в Маньчжурии находились тяжело раненые или больные японцы, состояние здоровья которых не позволяло вывезти их оттуда.

Вопрос места размещения японцев в России вызвал дискуссию в среде русской военной администрации. В частности, генерал от инфантерии А. Н. Куропаткин предлагал размещать пленных в Амурской области и в Благовещенске, в то время как генерал-адъютант Е. И. Алексеев, напротив, предлагал отсылать пленных в европейскую часть России¹⁰. Основная проблема заключалась в том, что, несмотря на очевидную трудность в транспортировке японцев за Урал в Европейскую Россию, существовало опасение, что японцы, находясь недалеко от места боевых действий, будут осуществлять побег или диверсии. По той же причине японцев не стали размещать около железных дорог, являвшихся стратегическими объектами в условиях войны. В итоге до осени 1904 г. военнопленных направляли в города Московского, Петербургского и Киевского военных округов. Отметим здесь, что нами не выявлено случаев диверсионных действий со стороны японцев ни в местах водворения, ни по пути к ним.

Осенью 1904 г. по решению императора Николая II военнопленных перевели в единый лагерь. В качестве окончательного места водворения для всех военнопленных, находящихся на территории Европейской России, было выбрано село Медведь, куда начали свозить японцев из других городов Российской империи. Д. В. Стрельцов объясняет выбор села Медведь его близостью к Петербургу и Москве, что предоставляло удобный доступ иностранным наблюдателям. Кроме того, так можно было показать японским пленным масштабы России и высокий уровень развития страны¹¹. Мы считаем, что также важным фактором было наличие свободных казарм и возможность охраны военнопленных, которую возложили на 199-й пехотный резервный Свирский полк.

Во многом размещение японцев в одном месте стало возможным ввиду малочисленности военнопленных. В отечественных источниках приводится цифра в 2083 чел. (108 офицеров и 1975 нижних чинов)¹². И. Хата со ссылкой

на японскую статистику говорит о 2088 людях¹³ в плену. При этом не все они были этническими японцами: часть составляли китайцы и корейцы, преимущественно нанятые для работы на японских кораблях. В плену также находилось 10 представителей западного мира: 4 английских офицера, сдавшихся в плен при потоплении японского транспорта «Садо-мару», 4 американца, норвежец и испанец, взятые в плен с японской шхуны в 1905 г.

В соответствии с нормами международного права Россия размещала военнопленных нижних чинов отдельно от офицеров. В отчете генерал-майора Генерального штаба Д. К. Гершельмана от 23 декабря 1904 г. (5 января 1905 г.) сказано, что корейцы и китайцы «вследствие племенной вражды» содержались отдельной командой¹⁴. Англичане также жили в отдельной комнате¹⁵. Несмотря на то что в лагере не было зафиксировано конфликтов на фоне межнациональной розни, русская сторона, предвосхищая возможность таких стычек, приняла решение разместить военнопленных отдельно. В целом же японские военнопленные не доставили России особых хлопот по организации их местопребывания.

Время приема пищи военнопленными регламентировалось распорядком дня. Из отчета генерал-майора Д. К. Гершельмана мы узнаем, что подъем японцев был в 6 часов утра, в 8 часов они пили чай, в 12 — обедали, а ужинали в 8 вечера¹⁶. Пленные в селе Медведь получали достаточное питание. Д. В. Стрельцов сообщает, что пленные офицеры даже имели возможность приобретать пиво, в то время как для нижних чинов алкоголь был ограничен. При этом на праздник дня рождения японского императора (3 ноября) всем японцам сделали послабление в вопросе потребления крепких напитков¹⁷, что также подчеркивает гуманное обращение русских с японскими военнопленными.

Русские источники начала XX в. указывают на то, что японская армия питалась рисом, сушеной рыбой, зеленью, соленой японской редькой. Позже были добавлены мясные консервы¹⁸. Однако основной рацион пленных в России, опиравшийся на нормы питания российских солдат и офицеров, составляли каши, суп, хлеб и мясо. Перестроить питание под привычное японцам меню было сложно. Иностраный наблюдатель Томас Смит во время своего визита в 1905 г. отмечал, что пленные хотели бы заменить манную кашу на суп с рисом и макароны¹⁹. Кроме того, военнопленные не могли есть столько черного хлеба, поэтому попросили уменьшить его количество в пользу других блюд. По просьбе японцев русская сторона пересмотрела меню. Фукиура также отмечает, что военнопленные имели возможность покупать овощи в магазине²⁰. Таким образом, несмотря на то что изначально Россия не нарушала принятые нормы питания пленных, она пошла навстречу военнопленным и заменила некоторые продукты.

Как мы уже отмечали, вопреки опасениям, японцы в плену не пытались совершать диверсий или побегов. Прежде всего надо сказать, что многие японцы отказывались сдаваться в плен, даже если это стоило им жизни. Особенно

это проявилось на начальном этапе войны. Если же японец попадал в русский плен, то случаи оказания сопротивления в плену русским военным случались, но были редки. Например, «Русский инвалид» сообщает о том, что один японец дрался и кусался, и его пришлось связать²¹. Во многом его поведение объяснялось усталостью и физическим истощением на войне, а также нежеланием принимать свой статус военнопленного. Фукиура отмечает, что плен со времен военных кланов у власти мыслился в японском общественном сознании как позор²², что, несомненно, повлияло на итоговую малочисленность военнопленных.

По этой причине многие японцы стремились оправдать свою сдачу в плен тем, что она не была добровольной. В «Русском инвалиде» описан случай, когда пленный Иокомики Ейдзябуро (предположительно, Ёкомики Эйдзабуро), узнав о присутствии корреспондента, попросил подчеркнуть, что до попадания в плен он сопротивлялся до конца, а потом потерял сознание²³.

Случаев нарушения дисциплины японцами ни по пути в лагерь в село Медведь, ни в самом лагере практически не было. Генерал-майор Д. К. Гершельман отмечал, что военнопленные придерживаются дисциплины и ведут себя пристойно²⁴, однако некоторым нарушением порядка в лагере можно считать самоубийство военнопленного японца. Нисиваки Киитиро 西脇喜一郎²⁵ покончил жизнь самоубийством 7 (20) марта 1905 г. в селе Медведь. Нам не удалось найти информацию о том, что он мог это сделать вследствие жестокого обращения с ним. В источниках в качестве причины самоубийства называется его психологическое состояние: он лишил себя жизни «в припадке меланхолии»²⁶. На наш взгляд, лагерная администрация не могла предотвратить подобное, и этот поступок был связан с личными качествами человека. В ходе исследования нами была обнаружена информация о якобы пятидесяти самоубийствах военнопленных в лагере села Медведь, опубликованная в новозеландской газете «Observer (Adelaide)»²⁷, однако эти сведения не подтверждаются другими источниками.

Отметим, что японцы в плену совершали различные дисциплинарные проступки, однако мы не располагаем данными о том, что они носили массовый характер.

В 1905 г. японских военнопленных по их просьбе посетил американский вице-консул Томас Смит с инспекцией. Жалобы военнопленных касались неправомерного, с их точки зрения, задержания пассажиров и экипажей потопленных японских кораблей, а также медицинского персонала. Кроме того, военнопленным зимой 1904/1905 г. по инициативе императора Николая II, сославшегося на то, что это зеркальные меры в ответ на действия Токио по отношению к русским военнопленным, ужесточили режим в селе Медведь: сократили время прогулок и ограничили возможность покупок конкретными магазинами. Также японцы жаловались на отсутствие переводчиков и длительную задержку корреспонденции. В коллективной монографии «Япония: цивилизация, культура, язык» (2024)²⁸ мы рассмотрели каждую жалобу и пришли

к выводу, что даже в ужесточенном виде режим содержания соответствовал нормам международного права. Тем не менее японцы получили послабления в виде возможности читать газеты и узнавать о происходящем на войне.

Д. В. Стрельцов упоминает и о других жалобах японских военнопленных, которым по неизвестным причинам уменьшили довольствие в 1904 г., что повлекло за собой вмешательство официального Токио. Через американское посольство России была передана нота японского военного министра Тэраути 寺内²⁹. Фукиура сообщает, что два японских офицера Мидзогути 溝口 и Огура 小椋 написали письмо в Токио, в котором уточнили, что младшие офицеры не получают должного денежного довольствия³⁰. Письмо японцев, очевидно, достигло Токио, что говорит о том, что оно прошло цензуру. Исправление указанных японской стороной проблем свидетельствует о стремлении Петербурга к диалогу с официальным Токио.

Кроме того, японцы подавали жалобы и русским властям. Пленные имели право сдавать на хранение русским военным деньги и ценные вещи, однако не обязаны были это делать. В РГВИА сохранились сведения о жалобах японских пленных на то, что у них изъяли ценности. Например, пленный Фукудзо подал официальное прошение, которое дошло до Главного штаба, в котором просил вернуть отобранные часы³¹. Пленный Куросава также заявил о том, что у него отобрали часы. Пленный Ямамото жаловался на изъятие у него в госпитале около Харбина денег на сумму 6 руб. 7 коп. Было инициировано разбирательство, в ходе которого японец не смог назвать госпиталь, где это произошло³², поэтому выяснить что-либо не представлялось возможным. Отметим, что эти документы написаны на русском языке, значит, пленным помогали при их составлении. Несмотря на то что во многих случаях было проблематично восстановить ход событий, русская сторона приняла решение о выплате денежной компенсации японцам. Все это опять же говорит о гуманном отношении русской стороны к японским военнопленным.

Следующая сложность заключалась в языковом барьере. Единицы военнопленных владели русским языком, лишь некоторые владели английским или французским, поэтому все вопросы организации коммуникации легли на плечи российской администрации. Проблема могла быть решена привлечением переводчиков с японского языка. И. В. Хохлов указывал на острую нехватку переводчиков в селе Медведь³³. Иногда для помощи в переводе даже обращались к пленным, знавшим русский язык.

К началу XX в. в России уже преподавался японский язык, но еще не сложилась школа японоведения. Дефицит кадров, которые могли бы качественно осуществлять устный и письменный перевод, осложнял коммуникацию русских военных с японскими пленными. Нехватка переводчиков сказывалась на скорости передачи корреспонденции: письма шли несколько месяцев. Все японские письма проходили цензуру военного ведомства. Для ускорения перевода для цензуры в 1904 г. пленным рекомендовали писать письма не иерогли-

фами, а слоговой азбукой катакана, которую было легче переводить. Японцы стали писать письма так, как им сказали, однако существенного прогресса в решении вопроса достигнуто не было.

После окончания войны и подписания Портсмутского мирного договора 23 августа (5 сентября) 1905 г. Россия и Япония начали обсуждать возвращение военнопленных, большая часть которых находилась в Европейской России. В ходе обмена мнениями пришли к заключению, что русская сторона отвезет японских пленных на станцию Вержболово и передаст их представителям Германии, откуда они отправятся в Японию на кораблях. В декабре 1905 г. 1777 чел. были освобождены из плена. Были среди них и больные военнопленные. На фото японского военнопленного изображен санитарный поезд, на котором везли больных японцев³⁴. Пленные, находящиеся в Маньчжурии, освобождались по мере выздоровления. К 1906 г. военнопленные вернулись в Японию.

В послевоенный период отношения России и Японии стали улучшаться. Японская сторона приняла решение вывезти прах японских военнопленных, скончавшихся в Европейской России. В 1908 г. японский поверенный в делах в Санкт-Петербурге передал Министерству иностранных дел пожелание японского правительства перевезти в Японию останки военнопленных, умерших и погребенных в Санкт-Петербурге, Москве и в селе Медведь³⁵. Японский полковник Хагино заявил, что японское правительство предполагает предать сожжению 23 трупа, из которых 19 погребены в селе Медведь, два в Санкт-Петербурге и два в Москве³⁶.

Отметим, что японская инициатива встретила поддержку со стороны России. Изначально планировалось провести сожжение тел в России с последующей отправкой в Японию. Несмотря на то что договоренности о сооружении временного крематория в России были уже практически достигнуты, Япония приняла решение, что русская сторона передаст немцам трупы японских пленных и они будут сожжены в Германии. Отправка тел в специальных гробах также потребовала четкой организации. Япония выразила России благодарность за содействие в этом вопросе.

* * *

В заключение отметим, что при организации плена для японцев Россия стремилась выполнять нормы международного права, однако столкнулась с рядом сложностей. Часть проблем была обусловлена историческими реалиями того времени, например отсутствием переводчиков. Несмотря на это, Россия стремилась улучшить жизнь японцев в плену, пересматривая нормы питания, удовлетворяя запросы военнопленных в других вопросах, создавая более благоприятные условия, чем те, что оговаривались международным законодательством в сфере содержания военнопленных. Кроме того, Россия активно поддерживала послевоенные японские инициативы по вопросам транспортировки военнопленных, а позднее — тел похороненных военнопленных в Японию.

- ¹ 才神 時雄「メドヴェージ村の日本人墓標」中公新書. 1983年. [Сайками Токио. Могилы японцев в селе Медведь. Токио, 1983. 214 с.]
- ² 吹浦 忠正「捕虜たちの日露戦争」日本放送出版協会 2005年 [Фукиура Тадамаса. Военнопленные и их Русско-японская война. Токио: NHK, 2005. 270 с.]
- ³ 秦郁彦「日本軍における捕虜観念の形成」『軍事史学』28巻2号、東京錦正社, 1992年. [Хата Икухико. Формирование понятия военнопленного в японской армии // Военная история. 1992. Т. 28. Вып. 2. С. 4–23.]
- ⁴ Хохлов И. В. Военнопленные русско-японской войны 1904–1905 гг. в селе Медведь Новгородской губернии // Ежегодник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. Великий Новгород, 2017. С. 189–201.
- ⁵ Стрельцов Д. В. Японские военнопленные русско-японской войны в Аракчеевских казармах Новгородской губернии // Ежегодник Японии. 2022. Т. 51. С. 122–136. <https://doi.org/10.55105/2687-1440-2022-51-122-136>
- ⁶ Convention (II) concernant les lois et coutumes de la guerre sur terre et son Annexe: Règlement concernant les lois et coutumes de la guerre sur terre. La Haye, 29 juillet 1899. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/assets/treaties/150-DIH-10-FR.pdf> (дата обращения: 19.04.2025).
- ⁷ 堀田慎一郎「日露戦争のロシア軍捕虜と愛知県一名古屋を中心に」//『愛知県史研究』8巻2004年 [Хотта Синъитиро. Русские военнопленные Русско-японской войны и префектура Айти. На примере города Нагоя // Исследования префектуры Айти. 2004. № 8. С. 1.]
- ⁸ Временное положение о военнопленных русско-японской войны // Иллюстрированная летопись русско-японской войны (по официальным данным и показаниям очевидцев). 1904. № 4. С. 40–46.
- ⁹ Циркуляр № 203 от 23 июля 1904 года // Циркуляры Главного штаба за 1904 год. URL: <http://www.gen-volga.ru/biblio/b-1904-203.htm> (дата обращения: 05.05.2025).
- ¹⁰ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 400. Оп. 3. Д. 2566. Л. 4–5.
- ¹¹ Стрельцов Д. В. Японские военнопленные русско-японской войны в Аракчеевских казармах Новгородской губернии. С. 125–126.
- ¹² Бухе Е. А. Военнопленные: Обзор деятельности Центрального справочного бюро о военнопленных во время русско-японской войны. СПб., 1907. С. 114.
- ¹³ Хата И. Формирование понятия военнопленного в японской армии. С. 11.
- ¹⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2574. Л. 58.
- ¹⁵ *Sakuye Takahashi*. International Law Applied to the Russo-Japanese War: With the Decisions of the Japanese Prize Courts. New York the banks law publishing co. 23 park place, 1908. P. 100.
- ¹⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2574. Л. 60.
- ¹⁷ Нитиро сэно: но нихонхорё [Японские военнопленные Русско-японской войны]. URL: <http://www.rose.ne.jp/~ooha/hogyo.htm>. Цит. по: Стрельцов Д. В. Японские военнопленные русско-японской войны в Аракчеевских казармах Новгородской губернии. С. 129.
- ¹⁸ Ермилов Н. Японская армия. Японский флот. СПб., 1904. С. 30.
- ¹⁹ *Sakuye Takahashi*. International Law Applied to the Russo-Japanese War. P. 98.
- ²⁰ Фукиура Т. Военнопленные и их Русско-японская война. С. 64.
- ²¹ Донские казаки в деле. 14 декабря 1904 г. // Русский инвалид. 1905. 21 января. № 16. С. 6.
- ²² Фукиура Т. Военнопленные и их Русско-японская война. С. 139.
- ²³ Телеграммы с театра войны. Чансямутунь, 21 декабря // Русский инвалид. 1904. 24 декабря. № 283. С. 5–6.
- ²⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2574. Л. 59.
- ²⁵ Нитибэй симбун. 日米新聞 1905. 15 июля. URL: <https://hojishinbun.hoover.org/?a=d&d=jan19050715-01.1.2&srpos=28&e=-1904---1905--en-10--21-byDA-img-e4%bf%98%e8%99%9c-----> (дата обращения: 10.04.2025).
- ²⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2680. Л. 3.

- ²⁷ Suicide of Japanese Prisoners // Observer (Adelaide). 1905. April 8. P. 28. URL: <https://trove.nla.gov.au/newspaper/article/162429448?searchTerm=japanese%20prisoners#> (дата обращения: 11.04.2025).
- ²⁸ Серебрякова С. Г. «Меморандум» японских пленных, или Жалобы по-японски // Япония: цивилизация, культура, язык. 2024 (К 300-летию Санкт-Петербургского государственного университета). СПб., 2024. (Вопросы японоведения; № 10). С. 552–565.
- ²⁹ Нитиро сэнсё: но нихонхорё [Японские военнопленные Русско-японской войны]. URL: <http://www.rose.ne.jp/~ooha/hogyo.htm>. Цит. по: Стрельцов Д. В. Японские военнопленные русско-японской войны в Аракчеевских казармах Новгородской губернии. С. 127–128.
- ³⁰ Фукиура Т. Военнопленные и их Русско-японская война. С. 71.
- ³¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2580. Л. 102а.
- ³² Там же. Л. 82.
- ³³ Хохлов И. В. Военнопленные русско-японской войны 1904–1905 гг. в селе Медведь Новгородской губернии. С. 198.
- ³⁴ 配所廻月// 国立国会図書館デジタルコレクション [Луна над ссылкой]. [Электронная коллекция библиотеки Национального Парламента Японии]. URL: <https://dl.ndl.go.jp/rid/904062/1/77> (дата обращения: 11.01.2025).
- ³⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3102. Л. 3.
- ³⁶ Там же. Л. 6.

References

- Fukiura, Tadamasu. *Horyotachi no nichiro sensō* [Prisoners of war and their Russo-Japanese War. In Jap.]. Tokyo, Japan Broadcasting Publishers Association, 2005. 270 p.
- Hata, Ikuhiko. Nihongun-ni okeru horyo kannen-no keisei [Formation of the Notion “Prisoners of War” in the Japanese Army. In Jap.]. In *The Journal of Military History*. 1992. Vol. 28, no. 2, pp. 4–23.
- Hotta, Shinichirō. Nichiro sensō no roshiagun horyo to Aichi ken Nagoya o chūshin ni [Russian Prisoners of the Russo-Japanese War and Aichi Prefecture (Focusing on Nagoya). In Jap.]. In *Bulletin of the history of Aichi*. 2004. No. 8, pp. 1–15. https://doi.org/10.24707/aichikenshikenkyu.8.0_1
- Khokhlov, I. V. Voennoplennye russko-yaponskoi voyny 1904–1905 gg. v sele Medved' Novgorodskoi gubernii [Prisoners of the Russo-Japanese War 1904–1905 in the village of Medved'. In Russ.]. In Kazarmshchikova, T. N. (ed.) *Ezhgodnik Novgorodskogo gosudarstvennogo ob"edinnogo muzeya-zapovednika, 2015*. Velikii Novgorod, 2017. P. 189–192.
- Saikami, Tokio. *Medověji mura no nipponjin hohyō* [Japanese Gravestones in Medvege Village. In Jap.]. Tokyo, Paperback Shinsho, 1983. 214 p.
- Serebryakova, S. G. “Memorandum” yaponskikh plennykh, ili Zhaloby po-yaponski [The “Memorandum” of Japanese Prisoners, or Complaints in Japanese. In Russ.]. In *Japan: Civilization, Cultural History, Language 2024*. St. Petersburg, Art-Express, 2024. P. 552–565.
- Strel'tsov, D. V. Yaponskie voennoplennye russko-yaponskoi voyny v Arakcheevskikh kazarmakh Novgorodskoi gubernii [Japanese Prisoners of the Russo-Japanese War in the Arakcheev Barracks of the Novgorod Province. In Russ.]. In *Yearbook Japan*. 2022. Vol. 51, pp. 122–136. <https://doi.org/10.55105/2687-1440-2022-51-122-136>

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

С. Г. Серебрякова. Японцы в русском плену во время Русско-японской войны (1904–1905 гг.) // Петербургский исторический журнал. 2025. № 3. С. 9–18

Аннотация: Русско-японская война уже более века притягивает внимание исследователей, изучающих военные, политические, экономические и дипломатические аспекты войны. Однако социальные вопросы ученые затрагивают реже. Проблематика японцев в русском плену в тот период и вовсе стала объектом исследования лишь недавно. Основная цель статьи заключается в раскрытии особенностей организации плена с учетом специфики японских военнопленных. Приведен краткий историографический обзор изучения проблемы японских военнопленных в России, обозначены общие условия их содержания.

Основные рассматриваемые в работе проблемы: нормы международного гуманитарного права и статус военнопленного во время Русско-японской войны, а также реальные условия содержания японских военнопленных в России. С привлечением новых исторических источников обозначены проблемы организации плена. Анализируются жалобы японских военнопленных, причины этих жалоб в представлении японцев, реакция российской администрации. Делаются выводы о том, что Российская империя стремилась соблюдать нормы международного права, однако не всегда могла это сделать, во многом по объективным причинам. Для написания статьи привлечены российские архивные документы и сведения из японской историографии.

Ключевые слова: Русско-японская война, международное гуманитарное право, военнопленные японцы, история Японии, село Медведь, Гаага.

FOR CITATION

S. G. Serebryakova. Japanese Prisoners of War in the Russian Captivity during the Russo-Japanese War (1904–1905) // Petersburg Historical Journal, no 3, 2025, pp. 9–18

Abstract: The Russo-Japanese War has been attracting the attention of researchers studying the military, political, economic and diplomatic aspects of the war for more than a century. However, social issues are less often addressed by scientists. The problems of the Japanese in Russian captivity at that time became the object of research only recently. The main purpose of the article is to reveal the specifics of the organization of captivity, taking into account the specifics of Japanese prisoners of war. A brief historiographical overview of the study of the problem of Japanese prisoners of war in Russia is given, and the general conditions of detention of Japanese prisoners of war are outlined. The main issues considered in the work are the norms of international humanitarian law and the status of prisoners of war during the Russo-Japanese War, as well as the real conditions of detention of Japanese prisoners of war in Russia. The problems of organizing captivity with the involvement of new historical sources are outlined. The complaints of Japanese prisoners of war are analyzed, the reasons for these complaints are presented by the Japanese, and the reaction of the Russian administration. The conclusions are drawn that the Russian Empire sought to comply with the norms of international law but could not always do so largely for objective reasons. Russian archival documents and information from Japanese historiography were used to write the article.

Key words: Russo-Japanese war, international humanitarian law, Japanese prisoners of war, History of Japan, Medved village, Hague.

Автор: **Серебрякова, Светлана Георгиевна** — ассистент кафедры японоведения восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Author: **Serebryakova, Svetlana Georgievna** — Assistant of the Department of Japanology, Faculty of Oriental Studies, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

E-mail: serebryakovaspbu@gmail.com